

В. Д. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ДЕВЯТОЕ СЕНТЯБРЯ 1944 г. В БОЛГАРИИ

Поздно вечером 23 августа 1944 г. в ставку Гитлера позвонил по телефону командующий немецко-фашистской группой армий «Южная Украина» генерал Фриснер и сообщил «совершенно ошеломляющую новость» — правительство верного Гитлеру Антонеску свергнуто и Румыния выходит из войны. Позднее Фриснер в воспоминаниях излил целый поток обвинений в адрес политических руководителей «третьего рейха» и фашистской Румынии, «прозевавших» быстрое развертывание революционных событий в Бухаресте. «Именно политики... оказались в данном случае совершенно беспомощными», — возмущался Фриснер. По его словам, представитель министерства иностранных дел Германии в штабе группы армий «Южная Украина» даже во второй половине дня 23 августа утверждал, «будто в Румынии, где правит Антонеску, все в порядке. Какое роковое заблуждение!»¹

Известно, однако, что командование группы армий «Южная Украина», и прежде всего сам Фриснер, не смогли вовремя раскрыть тщательно подготовленную советским командованием Яско-Кишиневскую наступательную операцию. Просчеты Фриснера отчасти были результатом заблуждения гитлеровской военной верхушки относительно общего плана военной кампании Советской Армии летом 1944 г. Руководство вермахта в 1944 г. ошибочно считало, что основные силы Советской Армии сосредоточены на центральном участке фронта, где они 23 июня предприняли грандиозное наступление, и поэтому активных их действий на юге можно не опасаться. Оно без особых колебаний перебрасывало отсюда в Белоруссию и Западную Украину танковые дивизии, чтобы остановить быстро продвигавшиеся на запад советские войска. Гитлеровские генералы не догадывались, что именно на этом и строился расчет Ставки Верховного Главнокомандования при планировании летней военной кампании 1944 г.

Как отмечает генерал армии С. М. Штеменко, возглавлявший в то время оперативное управление Генштаба Советских Вооруженных Сил, разгром белорусской и львовской группировок противника составлял содержание главного удара Советских Вооруженных Сил в летнюю кампанию 1944 г. В то же время предполагалось проводить активные действия силами 2-го Прибалтийского фронта, чтобы сковать войска вражеской группы армий «Север», которая, несомненно, сделает попытки обеспечить устойчивость соседа справа — группы армий «Центр». «И наконец, когда в результате всех этих могучих ударов враг понесет поражение, можно считать обеспеченным наступление на новом направлении — в Румынию, Болгарию, Югославию, а также в Венгрию, Австрию, Чехословакию»².

О предстоявшем крупном наступлении войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, подготовка к которому началась еще во второй половине июля 1944 г., гитлеровцы узнали незадолго до его начала, когда эффективных контрмер уже нельзя было принять. Заранее продуманные и мастерски осуществленные советским командованием широкие

¹ Г. Ф р и с н е р. Проигранные сражения. Перев. с нем. М., 1966, стр. 93.

² С. М. Ш т е м е н к о. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, стр. 233.

мероприятия по маскировке сосредоточения войск на направлении основных ударов принесли свои плоды. Это «главное, на что мы уповали и в чем, по счастью, не ошиблись», — отмечал в воспоминаниях Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, занимавший тогда пост начальника штаба 3-го Украинского фронта³. «Так как русские умели хорошо маскировать подобные мероприятия, — подтверждает Фриснер, — наша агентурная разведка смогла сообщить необходимые сведения... лишь с большим опозданием»⁴.

В результате хорошо подготовленных мощных ударов советских войск фронт гитлеровцев на юге, пишет бывший генерал вермахта К. Типпельскирх, «смешался, все превратилось в хаос. Как огромные морские волны катились войска противника и захлестывали немецкие силы. Всякое централизованное руководство боевыми действиями прекратилось, тылы были отрезаны»⁵. В гигантское кольцо окружения попали 18 немецко-фашистских дивизий. «Яско-Кишиневская операция, — подчеркивается в советском историко-мемуарном труде, посвященном этой операции, — воплотила в себе опыт всех предыдущих наступательных операций Советской Армии. Она вошла в историю советского военного искусства как замечательный образец быстрого окружения противника и столь же быстрого его разгрома»⁶.

В этой военной кампании особенно рельефно выступила взаимосвязь стратегии и политики. Победоносный исход Яско-Кишиневской операции решающим образом сказался на дальнейших исторических судьбах народов стран Юго-Восточной Европы, в том числе и на судьбах Болгарии.

Болгарские патриоты, боровшиеся с лета 1941 г. с оружием в руках против монархо-фашизма, восприняли победу советских войск под Яссами и Кишиневым как сигнал к решающему выступлению. В историческом постановлении № 4 ЦК Болгарской рабочей партии, принятом 26 августа 1944 г., говорилось: «Для Болгарии бьет двенадцатый час!... Перед партией, перед Отечеством, перед всем болгарским народом и армией настоятельно встает задача подняться на смелую и решительную вооруженную борьбу»⁷.

Болгарские коммунисты очень точно определили момент решающей схватки с монархо-фашизмом. Именно в конце августа 1944 г., когда процесс складывания революционной ситуации в стране резко ускорился под влиянием новых побед Советской Армии, для болгарского народа настало время взять исторические судьбы страны в свои руки.

³ С. С. Б и р ю з о в. Суровые годы. М., 1966, стр. 354.

⁴ Г. Ф р и с н е р. Указ. соч., стр. 67.

⁵ К. Т и п е л ь с к и р х. История второй мировой войны. Перев. с нем. М., 1956, стр. 463.

⁶ «Яско-Кишиневские Канны». Под общей редакцией Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. М., 1964, стр. 7.

⁷ «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт. Септември 1944 — май 1945». Сб. документи. София, 1969, стр. 15.

Борьба болгарского народа с монархо-фашизмом в годы второй мировой войны освещалась в ряде общих и монографических работ советских и болгарских авторов: «История Болгарии», т. II. М., 1955; «История на България», т. II. София, 1955; «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4. М., 1962; «История на Българската комунистическа партия». София, 1969; М. Е. П о з о л о т и н. Борьба болгарского народа за свободу и независимость в период второй мировой войны. М., 1954; И. В. Г а н е в и ч. Борьба болгарского народа под руководством Коммунистической партии за национальное и социальное освобождение (1941—1944 гг.). Киев, 1961; В. И. К л о к о в. Борьба славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945). Киев, 1961; Л. Б. В а л е в. Болгарский народ в борьбе против фашизма. (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964. М. И. С е м и р я г а. Антифашистские народные восстания. М., 1965; М. М. М и н а с я н. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967; Р. Т. А б л о в а. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941—1945). М., 1973; В. Б о ж и н о в. Политическата криза в България през 1943—1944. София, 1957; Н. Г о р н е н с к и. Взоръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристката окупация и монархо-фашистката диктатура (1941—1944). София, 1958; С. П е т р о в а. Борбата на БРП за установяване народно-демократическата власт. Май — септември 1944. София, 1964; С. П е т р о в. Стратегията и тактика на БКП в борбата против монархо-фашизма (1941—1944 гг.). София, 1969; И. Б о ч е в. Революционният процес в България. 1940—1944. София, 1969 и др.

В буржуазной литературе нередко искажается картина революционных событий, происходивших в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы в конце второй мировой войны, в том числе и в Болгарии. В частности, освободительная миссия Советской Армии, пришедшей на помощь попавшим под господство фашизма народам Балканского полуострова, преподносится многими буржуазными авторами как некий «советский экспорт коммунизма». Они игнорируют внутриполитические изменения, происходившие в то время в этих странах, замалчивают освободительную борьбу народных масс; для них антифашистские народные восстания — «путчи»⁸.

Объективная же историческая истина заключается в том, что революционные преобразования, совершившиеся в жизни народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны, стали возможны в результате благоприятного сочетания внешнего и внутреннего факторов, а именно: решающей роли Советских Вооруженных Сил в освобождении ряда стран Европы от фашистского ига и самоотверженной, широкой освободительной борьбы самих народов этих стран, использовавших благоприятные внешние условия для свержения реакционных режимов. Это наглядно можно проследить и на примере Болгарии, народ которой отмечает в текущем году 30-летие победы антифашистского вооруженного восстания 9 сентября 1944 г. «Сочетание народного восстания 9 сентября 1944 г. с победоносным шествием Советской Армии на Балканах, — подчеркивал Г. Димитров на V съезде БРП(к) в 1948 г., — не только обеспечило победу восстания, но и придало ему большую силу и размах»⁹.

РАЗДОРЫ В МОНАРХО-ФАШИСТСКОЙ ВЕРХУШКЕ

Взаимодействие двух революционизирующих факторов — военно-политических успехов Советского Союза и роста под влиянием этих успехов освободительного движения болгарских антифашистов — обуславливало нарастание кризиса «верхов» в Болгарии. Их неспособность управлять по-старому обнаружилась летом 1944 г. особенно явственно. По признанию одного из монархо-фашистских министров того времени, положение в стране было на грани хаоса. «Деятельность административных органов расстроена, пущена на самотек, их представители бездарны; войска не имеют достойного командования; оно ведет себя претенциозно; как будто армия является государством в государстве; военный министр не в состоянии держать армию в своих руках и проводить в жизнь решения правительства: экономика страны разорена и неуправляема; народ обнищал... страна находится на пороге конфликта с Россией». «Катастрофа для Европы [т. е. для фашистского «нового порядка»], для Германии, для Болгарии приближается»¹⁰. Это все больше осознавали и другие представители болгарской правящей клики. Они метались в поисках приемлемого выхода из создавшегося положения. Между ними усиливались раздоры и столкновения.

За три дня до начала наступления советских войск на южном участке фронта в Софии открылась чрезвычайная сессия XXV народного собрания, на которой выступил с правительственной декларацией премьер-министр И. Багрянов. Основные ее тезисы были согласованы с регентами — князем Кириллом (братом покойного царя Бориса), Б. Филовым (последним премьер-министром при царе Борисе) и генералом Н. Миховым (военном министре в правительстве Филова). Однако в частной беседе с Миховым Филлов обеспокоенно говорил, что в народном собрании «Багрянов наверняка устроит нам какую-либо каверзу». 17 августа Филлов в дневнике записал: «Так оно и получилось... Речь его не только нас удивила, но в некотором отношении и возмутила»; она «создает большие затруднения, и мы с генералом очень озабочены». В ночь на 18 августа Филлов не сомкнул глаз. «В Софии распространились очень тревожные слухи о том, что этой ночью мы с Миховым были арестованы, говорят о перевороте и других подобных вещах, дошло даже до того, что толкуют о насильственной расправе с нами». Напряжение в Софии росло с каждым днем. 19 августа тайные болгарские агенты донесли о намерении гитлеровцев произвести правительственный переворот, а в случае его

⁸ См., например, R. Z. Wolff. *The Balkans in Our Time*. Cambridge (Mass.), 1956; L. S. Stavrianos. *The Balkans Since 1453*. New York, 1965; L. Woodward. *British Foreign Policy in the Second World War*. London, 1962; P. Lendvai. *Eagles in Cobwebs Nationalism and Communism in the Balkans*. London, 1970.

⁹ Г. Димитров. Избр. произв., т. II. М., 1957, стр. 612.

¹⁰ Архив БАН. Дневник на П. Драганов, л. 18 (микрофильм).

срыва «прибегнуть к оккупации». Гитлеровцы «очень негодовали по поводу того, что Багрянов не предупредил Бекерле [германского посла в Софии] о своей речи»¹¹.

В чем же заключалась «каверзность» речи Багрянова? Почему она вызвала такой переполох в монархо-фашистских кругах и гитлеровском посольстве? Что побудило болгарского премьер-министра сделать такой шаг?

На эти вопросы нелегко дать исчерпывающие ответы сразу. Дело в том, что речь Багрянова была кульминационным пунктом в проведении определенного политического курса монархо-фашистской клики, преследовавшего цель слласти существующий режим в условиях приближавшегося краха гитлеровского блока и углублявшегося политического кризиса в стране. Необходимо, следовательно, хотя бы вкратце охарактеризовать этот курс, а также главных его проводников — И. Багрянова и министра иностранных дел П. Драганова.

Багрянов принадлежал к тем представителям болгарского монархо-фашизма, которые были у царя Бориса на особой заметке, как деятели, отличавшиеся склонностью к «вождизму» и вызывавшие у него в силу этого известное беспокойство за прочность своей власти. Бывшего военного министра генерала Х. Лукова, стремившегося превратить возглавленный им в 1941 г. «Союз болгарских национальных легионов» в партию нацистского типа, царь Борис сравнивал с германским «фюрером», а руководителя «национально-социального» движения А. Цанкова, проповедовавшего близкую к теории корпоративизма концепцию социальной гармонии буржуазного государства и проделавшего эволюцию от социал-демократа до кровавого фашистского палача болгарского народа в 1923—1925 гг., — с итальянским «дуче». Багрянов же вызывал у болгарского монарха ассоциацию с испанским «каудильо», стремившимся создать своеобразный политический силла традиционного для Испании консерватизма и монархизма с фашистским движением (фалангой).

Нечто подобное лежало и в основе политической деятельности Багрянова. Неслучайно за ним закрепилось прозвище «дворцовый земледелец». Будучи владельцем крупного земельного угодья, он строил карьеру на том, что выдавал себя за «знатока» нужд болгарского крестьянства, за «ревнителя» его интересов, заигрывал с правыми лидерами Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), пользовавшегося влиянием у крестьян. Вместе с тем Багрянов был «своим человеком» и в царском дворце, куда он попал еще в 1913 г. при неожиданных для всех обстоятельствах. Дерзкое публичное выступление Багрянова против царя Фердинанда привлекло внимание последнего, и тот решил «приручить» 23-летнего офицера болгарской армии, пригласив его на службу во дворец. Там Багрянов из задиристого антимонархиста быстро превратился во «всегда верного до конца династии» (слова Багрянова) царедворца. Он завел любовную связь с дочерью Фердинанда княжной Евдокией, отличавшейся большим честолюбием и стремлением задавать тон во всем, что касалось интересов царской семьи. Багрянов сумел также расположить к себе наследного князя Бориса и после восшествия последнего на царский престол в 1918 г. стал его флигель-адъютантом, советником и доверенным лицом. Покинув в 1923 г. дворец в результате интриг, Багрянов и в дальнейшем продолжал ловко «козырять» близостью к царской семье.

Багрянов прошел у Кобургов хорошую школу политического макиавеллизма, но и сам кое-что преподавал им. С самого начала политической карьеры он обнаружил недюжинные способности к демагогии. По призыванию царя Бориса, ему было чему поучиться в этом отношении у своего флигель-адъютанта, особенно манере общения с простолюдными, умение подлаживаться под их настроения, обычаи, вкусы. «Мы видим, — отметил однажды Михов, — что такими манерами он приобрел популярность, прославя другом крестьян»¹². Заняв в ноябре 1938 г. пост министра земледелия, Багрянов начал разглагольствовать в народном собрании о необходимости модернизировать сельское хозяйство, поднять болгарского крестьянина на уровень передовой европейской цивилизации. Но эти широковещательные планы Багрянова (как и все остальные) преследовали лишь одну цель — саморекламу. «Авантюрист» и «фантазер», «делает все, чтобы быть оригинальным и произвести эффект», — читаем мы в дневнике жены

¹¹ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а.е. 12, л. 37, 38, 41, 43, 44, 46, 47 (микрофильм).

¹² АВПР, фонд микрофильмов, нег. 656, поз. 11, ф. 299, д. 3, л. 1.

Филова ¹³. «Какие бы грандиозные проекты им ни выдвигались, — пишет болгарский автор И. Пауновский, — они в итоге приносили или мизерный результат, или заканчивались какой-нибудь глупостью» ¹⁴. Так, единственным напоминанием о деятельности Багрянова на посту министра земледелия были приобретенные за границей помпы для полива земли, иронически названные болгарскими крестьянами «багрянками».

В начале 1941 г. политическим единомышленником Багрянова стал Драганов — воспитанник германской военной академии, такой же, как и он, прожженный царедворец, тоже бывший флигель-адъютант царя Бориса (с 1923 г.), сопровождавший его в конце 20-х — начале 30-х годов в зарубежных поездках и избравший (очевидно, под влиянием их) после ухода из дворца дипломатическое поприще. Большая часть службы Драганова прошла в Берлине, где он был военным атташе, а затем (с мая 1938 г.) полномочным министром Болгарии. На его глазах пришел к власти и укрепился в Германии нацизм, который Драганов оценивал, как «самое рациональное средство поддержания воздуха в [отечественном] доме чистым» ¹⁵. Хотя Драганов не все воспринимал из практики германского фашизма, тем не менее он стал активным сторонником гитлеровской Германии и много потрудился над развитием дружеских связей между ней и болгарским монархо-фашизмом, чем заслужил благоволение Гитлера. В свою очередь он при прощальном визите к Гитлеру в августе 1942 г. (его назначили полномочным министром в Мадрид) заявил: «Я буду делать для Германии все, на что способен» ¹⁶.

В лице Драганова Багрянов нашел хорошего помощника для обеспечения покровительства гитлеровцев в замышлявшемся им в январе 1941 г. низвержении правительства Филова и сформировании, по словам последнего, «нового, значительно более германофильского кабинета». Но подготовлявшаяся Багряновым акция потерпела крах из-за противодействия царя Бориса, усмотревшего в действиях последнего определенную угрозу своей власти. Монарха «страшит... популярность Багрянова, он боится, что тот может стать вторым Ивайло [руководитель крестьянского движения в Болгарии в 1277—1280 гг.], хотя и считает его лишь зайцем в тигровой шкуре», — отметил Филев ¹⁷. За месяц до вхождения Болгарии в Тройственный пакт Багрянов был вынужден уйти в отставку.

Политический тандем Багрянов — Драганов вновь возродился в июне 1944 г., когда монархо-фашистская правящая клика, в первую очередь царская семья, сочла целесообразным в создавшейся критической для себя обстановке прибегнуть к услугам этих, пожалуй, наиболее искушенных в политической демагогии представителей болгарского монархо-фашизма. Даже Филев, не забывший, конечно, «диверсии» Багрянова в январе 1941 г., признал, что «в такое время подобные ему люди могут быть подходящими» ¹⁸.

Главной задачей образованного 1 июня 1944 г. правительства Багрянова, куда в качестве министра иностранных дел вошел Драганов, было, как подчеркивал Г. Димитров, «временно обмануть народ, а если удастся и союзников, чтобы выиграть время и по возможности парализовать развивающееся повстанческое движение и растущее недовольство гитлеровцами в рядах армии» ¹⁹.

На первых порах Багрянов и его сторонники пытались добиться «умиротворения» и «единства» внутри страны игрой в либерализм. Была изменена тактика борьбы с партизанским движением. Вместо «крайностей» и «жестокостей» рекомендовалось применить «законные» средства борьбы с партизанами, выполнение этой задачи возлагалось только на министерство внутренних дел (ранее привлекалась и армия). Правительство Багрянова объявило частичную (очень ограниченную) амнистию участникам освободительного движения, ликвидировало дирекцию по пропаганде и печати, стремилось установить контакты с представителями организаций освободительного движения.

¹³ АВПР, нег. 656, поз. 9, ф. 298, д. 10, л. 99.

¹⁴ И. Пауновский. Възмездиего. София, 1971, стр. 495.

¹⁵ И. Димитров. Българската демократична общественост, фашизмът и войната. 1934—1939. София, 1972, стр. 16.

¹⁶ «Hitler's Secret Conversations. 1941—1944». New York, 1953, p. 512.

¹⁷ АВПР, нег. 656, поз. 3, ф. 298, д. 2, л. 62.

¹⁸ АВПР, нег. 656, поз. 9, ф. 298, д. 10, л. 99.

¹⁹ Г. Димитров. Избр. произв., т. II, стр. 25.

Однако эти уловки не приостановили дальнейшее расширение освободительной борьбы. Пополнив и перегруппировав свои ряды после кровопролитных боев с правительственными войсками в мае 1944 г., партизаны вновь активизировались. Вооруженной силой антифашистской борьбы в Болгарии была Народно-освободительная повстанческая армия (НОПА), созданная весной 1943 г. и состоявшая к концу августа 1944 г. из одной дивизии (1-й Софийской), 9 партизанских бригад, 37 отрядов, групп и батальонов, которые действовали самостоятельно, но организационно входили в бригады и отряды. Кроме того, в НОПА имелись сотни групп саботажа и боевых групп. Всего в повстанческой армии насчитывалось примерно 30 тыс. бойцов. Они опирались на поддержку десятков тысяч добровольных помощников, в большинстве своем крестьян. Для удобства управления партизанским движением вся страна делилась на 12 военно-оперативных зон, каждая из которых имела свое командование. Общее руководство осуществлял Главный штаб НОПА. Вооруженная народно-освободительная борьба была одним из главных факторов развития в Болгарии революционного кризиса. Бесперывно наносы удары по врагу, НОПА «создавала внутренний фронт, охватывавший всю территорию страны и приковывавший к себе монархо-фашистские войска, полицию и гитлеровские гарнизоны. Характерная особенность вооруженной борьбы в стране состояла в том, что ее организатором и руководителем с начала и до конца была БРП»²⁰.

Летом 1944 г. партизанское движение в Болгарии под влиянием успехов Советской Армии приняло особенно широкие размеры, поднялось на новую ступень. Партизаны захватывали населенные пункты, проводили политические митинги, уничтожали архивы властей, казнили отъявленных фашистов, терроризировавших население, возвращали крестьянам реквизированные у них чиновниками продукты. В течение лета 1944 г. части НОПА осуществили более тысячи таких акций, провели 200 ожесточенных боев с жандармами и войсками, совершили более 30 нападений на военные объекты гитлеровцев. Решительные действия партизан революционизировали народные массы, усиливая вместе с тем разброд и панику среди представителей монархо-фашистских властей, прежде всего на местах.

Успехи повстанческого движения привели к расширению влияния в стране Отечественного фронта. Вокруг его антиимпериалистической, антифашистской, демократической программы, разработанной Заграничным бюро ЦК БРП по указанию и под руководством Г. Димитрова и переданной радиостанцией народно-освободительного движения «Христо Ботев» еще в июле 1942 г., сплачивались все более широкие патриотические силы²¹. Заметнее становилась и деятельность представителей буржуазной оппозиции, хотя большая часть ее лидеров, руководствуясь узкоэгоистическими, классовыми интересами, по-прежнему воздерживалась от тесного сотрудничества с Отечественным фронтом, отвергала методы вооруженной борьбы с монархо-фашизмом, целиком уповая на «благоразумие» регентов, которые, по их мнению, должны были вовремя понять необходимость привлечения к власти буржуазных оппозиционеров и изменения политики легальным путем, сверху²².

Но объективный ход событий неумолимо подтверждал жизненность программы и методов борьбы Отечественного фронта, правильность проводившейся БРП политической линии. Она вытекала из общей установки международного коммунистического движения в годы второй мировой войны. «Мы не даем на данном этапе платформы социалистического строя», — подчеркивалось в одном из писем Г. Димитрова²³. Основная задача всех коммунистов состояла тогда в развертывании широкой борьбы против фашизма, за национальную независимость и установление подлинно народной демократии. «Решения партии того периода, — пишет болгарский историк С. Петров, —

²⁰ «История на Българската комунистическа партия», стр. 481.

²¹ См. подробнее Л. Б. В а л е в. Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 — сентябрь 1944). М., 1950; Д. Ш а р л а н о в. Създаване и дейност на Отечественния фронт. (юли 1942 — септември 1944). София, 1966; В. Б о н е в. За единния, народния и отечествения фронт. София, 1971.

²² См. подробнее И. Д и м и т р о в. Буржоазната опозиция в България. 1939—1944. София, 1969.

²³ «Переписка Генерального секретаря ИККИ Г. М. Димитрова с руководством Польской рабочей партии (1942—1943 гг.)». — «Новая и новейшая история», 1964, № 5, стр. 122.

дают основание считать, что партия не рассматривала программу Отечественного фронта только как тактическую платформу для достижения своей конечной цели... Антифашистская борьба в годы войны... имела самостоятельные цели и задачи, главной из которых было спасти болгарский народ от фашизма и войны, обеспечить его дальнейшее существование и развитие. Эта борьба была обязательным этапом, через который нельзя было перепрыгнуть»²⁴.

Выдвигая на первый план антифашистские, демократические задачи, БРП, как и другие компартии, не упускала из виду и социалистическую перспективу. Программа Отечественного фронта отражала самостоятельный, но не обособленный от этой перспективы этап революционной борьбы болгарских трудящихся. «Партия считала осуществление этой программы, — отмечал на V съезде БРП (к) в 1948 г. Г. Димитров, — необходимым и решающим этапом дальнейшего развития нашей страны по пути глубоких политических, экономических и социальных преобразований»²⁵.

С каждым днем росла в стране притягательная сила Отечественного фронта. Этому не смогли помешать и маневры Багрянова, пытавшегося ввести в заблуждение сторонников Отечественного фронта, подорвать их единство. Убедившись в том, что игра в либерализм не дает желаемого результата и лишь озлобляет правые экстремистские элементы, правительство Багрянова решило вернуться к прежним, жестоким методам борьбы с освободительным движением. 27 июля правящая верхушка постановила: «До конца августа необходимо ликвидировать партизанское движение». В начале августа был разработан план переброски войсковых частей в места наибольшей активности партизан.

Половинчатый, демагогический характер носили и меры правительства Багрянова в области экономики, находившейся к моменту его прихода к власти на грани разрухи. Основной причиной этого был проводившийся в течение нескольких лет экономический грабеж Болгарии гитлеровской Германией с помощью неэквивалентной внешней торговли и неравноправных финансовых соглашений. Подчинение экономики страны интересам гитлеровцев, вызванный условиями военного времени разрыв торговых связей с рядом государств усилили до крайности диспропорции в развитии болгарского хозяйства. Из-за недостатка сырья и топлива резко снизился уровень промышленного производства. Систематические реквизиции зерна, скота и молочных продуктов у крестьян для отправки в Германию, нехватка рабочих рук в деревне ввиду учащавшихся призывов резервистов в армию обуславливали значительное уменьшение объема сельскохозяйственной продукции. В стране увеличивались продовольственные затруднения, недоставало обуви, тканей и других товаров первой необходимости, что создавало благоприятную почву для спекуляции, процветания «черного рынка», роста дороговизны, для злоупотреблений со стороны представителей власти. И без того тяжелое экономическое положение в стране было усугублено серьезными разрушениями болгарских промышленных центров, особенно Софии, в результате ожесточенных бомбардировок англо-американской авиации зимой и весной 1944 г. «Хозяйственная жизнь страны идет к полному хаосу», — констатировал начальник управления гражданской мобилизации в докладе, представленном предшественнику Багрянова на посту премьер-министра²⁶.

Придя к власти, Багрянов намеревался справиться с экономическими трудностями при помощи фашистского варианта «государственного регулирования», за который ратовал еще в 1941 г., будучи министром земледелия в кабинете Филова. Он создал для этого специальный комитет из министров, ведавших различными отраслями хозяйства, с присущим ему демагогическим размахом проводил в стране «широкие экономические конференции», с целью «обсудить» предлагавшуюся им «новую экономическую систему», аналогичную корпоративному строю в фашистской Италии. На деле же все свелось к некоторому увеличению зарплаты чиновникам и отдельным катего-

²⁴ С. Петров. Указ. соч., стр. 99—100. См. также вступительную статью Л. Б. Валева к русскому изданию книги. — С. Петров. БКП в борьбе против монархо-фашизма. М., 1973, стр. 12.

²⁵ Г. Димитров. Избр. произв., т. II, стр. 608.

²⁶ АВПР, нег. 655, поз. 9, ф. 296, д. 74, л. 84. См. подробнее Д. Коен. Ограбването и разоряването на българското стопанство от германските империалисти през Втората световна война. София, 1966.

риям рабочих и повышению цен на закупавшиеся реквизиционными комиссиями сельскохозяйственные продукты у крестьян. Однако это сопровождалось непропорционально большим увеличением розничных цен на продукты и промышленные товары, что в итоге усилило бедственное положение трудящихся в городе и деревне. К тому же реквизиционные комиссии под предлогом создания государственных запасов продовольствия и сырья (а фактически для снабжения гитлеровской Германии) стали изымать в селах значительно больше продуктов, вызывая тем самым резкое недовольство крестьян, а во многих местах и решительный отпор с их стороны. «Власти даже и с помощью силы — с помощью войск, — отмечалось в донесении командования Трынского партизанского отряда, — не в состоянии собирать ни шерсть, ни овец, ни молоко... Народ, поддерживаемый партизанами, сопротивляется»²⁷. Крестьяне лишней раз убеждались в том, что «земледельцы» типа Багрянова не могут быть истинными защитниками их интересов. Широковетательные экономические планы правительства Багрянова, рассчитанные на завоевание доверия населения и подрыв народно-освободительного движения, потерпели крах, что вынужден был признать впоследствии и сам Багрянов. Продолжавшийся рост экономических затруднений способствовал складыванию в стране революционной ситуации.

Крайняя непоследовательность правительства Багрянова во внутренней политике сопровождалась метаниями между Сциллой и Харибдой и на международной арене. Сразу же после прихода к власти Багрянов и Драганов затеяли сложную дипломатическую возню, суть которой заключалась в том, чтобы с целью спасения существующего строя и династии Кобургов подготовить поворот во внешней политике Болгарии, но так, чтобы при этом были удовлетворены державы антифашистской коалиции и в то же время не нарушены дружественные, союзнические связи с Германией. Поскольку любое самовольное изменение внешней политики Болгарии, как полагали ее правители, вызвало бы активное противодействие гитлеровцев, то поворот, по утверждению Драганова, мыслилось осуществить «не вдруг» и не путем открытого разрыва отношений с Германией, а «постепенно, тактично и поэтапно». «Для подобных действий было необходимо по известным вопросам заручиться согласием немцев»²⁸. На практике это вылилось в лавирование «между многими огнями» (выражение Багрянова), причем настолько сложное, что в конечном счете в нем запутались и сами болгарские правители. По словам Г. Димитрова, правительство Багрянова хотело «разрешить неразрешимую задачу, а именно: сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы»²⁹.

Действуя в этом духе, болгарские правители уверяли советских дипломатов в «дружеских» чувствах к СССР, пытались внушить им, а также представителям западных держав, что незамедлительный разрыв с Германией — дело трудное и чреватое оккупацией страны гитлеровцами (как было с Венгрией в марте 1944 г.) и что будто бы в интересах антифашистской коалиции набраться терпения и подождать, пока не наступит благоприятные условия для выхода Болгарии из войны. Одновременно они убеждали гитлеровцев в своей верности союзу с Германией, просили понять затруднительное положение болгарских правящих кругов, вынужденных считаться с общим изменением военной обстановки и проводить «реальную политику». Багрянов и Драганов выступали (иногда даже на протяжении одного дня), то в качестве верных союзников гитлеровской Германии, то в роли «друзей» СССР, в зависимости от того, кто был их собеседником в данный момент. Драганов, например, откровенно сравнивал себя с «акробатом на канате»³⁰.

Следует, однако, подчеркнуть, что истинной подоплекой неоднократных заявлений Багрянова и Драганова об их намерении наладить «добрые отношения» с СССР был страх перед неуклонно увеличивавшимся коммунистическим влиянием в стране. Болгарские монархо-фашисты, убежденные противники коммунизма, руководствовались, конечно, не какими-то симпатиями к Стране Советов, а всего лишь

²⁷ «Въоржената борба на българския народ против фашизма. 1941—1944. Документи». София, 1962, стр. 581.

²⁸ Архив БАН. Док. № 24. Саморъчни бележки от бившият министър Първан Драганов във връзка с процеса му пред Народния съд, л. 24 (микрофильм).

²⁹ Г. Димитров. Избр. произв., т. II, стр. 25.

³⁰ Архив БАН. Док. № 24, л. 23.

чувством самосохранения. «Избежать любой ценой конфликта с Советской Россией», — вот что стояло на первом месте во внешнеполитической программе, разработанной Багряновым и Драгановым³¹.

По отношению же к гитлеровской Германии они проявляли искренний шепет. Правда, понимание летом 1944 г. неизбежности военного краха «третьего рейха» побуждало их быть более сдержанными в выражении истинных чувств к своим союзникам. И тем не менее сохранение союза с Германией до последнего момента они считали для себя делом «чести». Им было важно, чтобы такой момент наступил как можно позже. С помощью дипломатического лавирования Багрянов и Драганов хотели выиграть время, рассчитывая на то, что среди держав антифашистской коалиции обострятся противоречия и гитлеровская Германия сможет использовать их. «Ведение войны на нескольких фронтах делает трудной полную победу. Поэтому необходимо разомкнуть обруч, сыграв на различии интересов союзников», — к такому общему выводу пришли в одной из бесед (12 июля) Бекерле и Драганов³².

В целом же политическое балансирование болгарских правителей преследовало цель, если и не подготовить безболезненный для них поворот во внешней политике, то по крайней мере дезориентировать и нейтрализовать внешние силы, а равно и различные группировки внутри страны. Однако «такая политика, — пишет болгарский историк И. Димитров, обстоятельно исследовавший внешнюю политику правительства Багрянова, — могла принести лишь временный успех, напустив туман и здесь и там, посеяв известные иллюзии и надежды, но в итоге она неминуемо должна была породить разочарование и неприязнь у всех»³³.

В самом деле, двухмесячная политическая эквилибристика Багрянова и Драганова не устраивала никого, в том числе и гитлеровцев, видевших даже в их робких попытках согласовать с Берлином какие-то изменения во внешней политике лишь предательские акты. Она привела к возникновению напряженности в германо-болгарских отношениях, что, в частности, проявилось в стычках 9 и 10 августа 1944 г. между Бекерле и Драгановым по поводу задержания болгарскими властями железнодорожных вагонов с советскими военнопленными, которых гитлеровцы перебрасывали через Болгарию с явной целью спровоцировать конфликт с СССР. Вручая болгарским правителям резкую ноту протеста, Бекерле упрекал их: «Когда Германия побеждала, вы шли с ней, а когда она терпит неудачи, вы отделяетесь от нее»³⁴.

Тактика дипломатических уверток, применявшаяся монархо-фашистской кликой в неофициальных переговорах с представителями западных держав о перемирии («разговоры, но не переговоры»), побуждала и тех занимать все более жесткую позицию в отношении Болгарии. Их терпение явно иссякало. Государственный секретарь США К. Хэлл в конце июля 1944 г. поручил американским дипломатам в Турции передать по неофициальным каналам, что различные жесты болгарских правителей в пользу западных держав «не имеют большой ценности» и «их время истекает»³⁵. 2 августа 1944 г. Черчилль, выступая в палате общин, также предупредил, что для Болгарии «момент раскаяния еще не миновал, но он скоро может быть упущен»³⁶.

Оказалась несостоятельной и политика оттяжек в вопросе о восстановлении советских консульств в Варне, Бургасе и Русе, поднятом Советским правительством в апреле 1944 г. 12 августа 1944 г. временный поверенный в делах СССР С. П. Кирсанов вручил болгарскому премьер-министру ноту, в которой отмечалось: «Ввиду большой затяжки с решением вопроса о трех советских консульствах в Болгарии и в связи с изменившейся военной обстановкой вопрос о консульствах потерял теперь всякий смысл. Если Болгария думает как-либо выйти из тушика, то

³¹ Там же, л. 2.

³² Архив БАН. Дневник на П. Драганов, л. 13.

³³ И. Димитров. Външната политика на правителството на Иван Багрянов (1 юни — 1 септември 1944 г.) — «Годишник на Софийския университет», т. LXI, кн. III, 1967. София, 1968, стр. 197.

³⁴ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а.е. 12, л. 28.

³⁵ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944» (далее — FR), vol. III. Washington, 1965, p. 348, 353.

³⁶ Цит. по: «Стенографски дневници на XXV обикновено народно събрание» (далее — СД XXV ОНС), VII извънредна сесия, стр. 76.

в настоящее время вопрос может стоять только о разрыве Болгарии с Германией. Советское Правительство спрашивает Болгарское Правительство, готово ли оно к разрыву с Германией»³⁷.

Однако болгарские правящие круги по-прежнему не решались на такой шаг. На совещании 15 августа, в котором участвовали регенты, Багрянов и Драганов, болгарская позиция, согласно записи в дневнике Драганова, была сформулирована следующим образом: «Не порывать с Германией до тех пор, пока нет другой опоры; поспешить с установлением официальных контактов с Англией и Америкой; это послужит для русских как бы ответом на их запрос, готовы ли мы порвать с Германией»³⁸. Более развернутое объяснение этой позиции дал Филов. «Наши разговоры о возможном выходе из войны будут иметь вес и пользу для нас только в том случае, если мы пока еще не порвем с Германией. В противном случае мы теряем всякое значение, так как сами мы не можем противостоять возможному военному натиску»³⁹. Таким образом, несмотря ни на что, главную ставку болгарские монархо-фашисты продолжали делать на Германию.

В соответствии с этой линией, одобренной, по словам Филова, единодушно всеми участниками совещания, и должна была быть построена речь Багрянова в народном собрании. Но, как вскоре выяснилось, тот имел и собственные, не высказанные на совещании, соображения на сей счет.

Дело в том, что двойственная, колеблющаяся политика Багрянова внутри и во вне страны все больше подрывала его и без того непрочные позиции в Болгарии. Шли недели, а кроме краткой речи по радио 3 июня, в которой, по отъезду регента Михова, говорилось «обо всем и ни о чем», от болгарского премьер-министра пока еще не услышали публичных заявлений об основных целях политики нового правительства. Между тем в мире происходили важные военно-политические события. Быстрое продвижение Советской Армии на центральном участке фронта к границам «третьего рейха», высадка союзнических войск в Северной Франции, «генеральский заговор» против Гитлера 20 июля 1944 г. и, наконец, разрыв Турцией 2 августа 1944 г. отношений с Германией — все это, по словам одного из депутатов народного собрания, «еще больше возбуждало интерес масс, всех нас к тому, какую позицию займет новое правительство в условиях значительно изменившейся политической и военной конъюнктуры»⁴⁰.

Многих в стране тревожила ясно обозначившаяся перспектива третьей (после 1913 г. и 1918 г.) национальной катастрофы. «Судьба нашего отечества висит на волоске», — говорил представитель оппозиции в народном собрании, впоследствии министр иностранных дел в образовавшемся 9 сентября 1944 г. правительстве Отечественного фронта П. Стайнов. Должна ли Болгария, как считали наиболее ярые германofilы, «подобно адъютанту покончить самоубийством у гроба своего полковника, своего повелителя», или следует, пока не поздно, искать «крепкий мост», чтобы выбраться из «топкого болота», в котором страна глубоко погрязла в результате ошибок прежних правительств?⁴¹ И где искать этот мост — на Западе или на Востоке? Вот что волновало многих в Болгарии в августе 1944 г. и на что правительство Багрянова еще не давало ответа во всеуслышание, показывая тем самым свою политическую беспомощность, неспособность вывести страну на спасительный для нее путь. «Надежды, с которыми был встречен кабинет в первые дни, скоро исчезнут, — жаловался 21 июля Драганов. — Все это создает богатую почву для чуждой пропаганды и усиления партизанского движения... Помимо нашей воли мы становимся правительством Керенского»⁴². 14 августа один из бывших министров в беседе с Филовым отметил, что существующее правительство «потеряло 60% своего престижа»⁴³.

Очевидно, стремление избежать участи «болгарского Керенского», приглушить растущее в массах недовольство пагубной для Болгарии политикой правительства и

³⁷ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II. М., 1947, стр. 198.

³⁸ Архив БАН. Дневник на П. Драганов, л. 35.

³⁹ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а.е. 12, л. 37.

⁴⁰ СД XXV ОНС, VII извънредна сесия, стр. 47.

⁴¹ Там же, стр. 46—47.

⁴² Архив БАН. Дневник на П. Драганов, л. 18—19.

⁴³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а.е. 12, л. 31.

побуждало Багрянова выйти на свой страх и риск за рамки достигнутой накануне открытия сессии народного собрания договоренности с регентами.

У Багрянова была и другая причина поступать подобным образом. Все больше давали себя знать существовавшие между ним и Филовым расхождения в выборе средств для достижения поставленных политических целей. «Первостатейный франкмасон», — так Багрянов называл Филова за его тяготение к тайным, скрытым от общественности акциям. Тот в свою очередь осуждал склонность Багрянова апеллировать к широкой аудитории. «Вместо того, чтобы действовать молча... он предпочитает рекламу». Характерные для Филова «фатализм в политике», выжидание развития событий «со сложенными руками» мешали Багрянову проводить линию, более соответствующую, по мнению ряда монархо-фашистских деятелей, быстро меняющейся обстановке на международной арене. Филов, подписавший соглашение о присоединении Болгарии к Тройственному пакту, принадлежал к тем представителям монархо-фашистского лагеря, которые прочно связали себя политическими и экономическими узами с гитлеровской Германией, и переориентация внешней политики означала бы крах всей их карьеры. Багрянов же в силу стечения обстоятельств, о чем говорилось выше, оказался непричастным к вхождению Болгарии в Тройственный пакт и мог поэтому действовать более свободно, что, однако, отнюдь не делало его противником Германии. Речь шла лишь о разной степени понимания «союзнического долга» перед гитлеровцами, о различных внешнеполитических методах сохранения монархо-фашизма в стране. «Политика правительства, — разъяснял 5 августа 1944 г. Драганов гитлеровскому послу, — такая же, какую проводили и предыдущие правительства, только она осуществляется другими методами и средствами»⁴⁴.

Определенную роль в расхождении между Багряновым и Филовым играло и их личное соперничество в борьбе за власть, возникшее еще в бытность Багрянова министром земледелия в кабинете Филова и резко усилившееся летом 1944 г. Уже 15 июня в дневнике жены Филова появилась запись: «Ходят слухи, что Багрянов начал тайно и явно действовать против Богдана [Филова]. Хочет стать регентом. Его амбиция переходит границы»⁴⁵. При этом Багрянов с помощью княгини Евдокии ловко перетягивал на свою сторону слабовольного князя Кирилла. Багрянов и его министры «хотят подчеркнуть близость к дворцу именно этого правительства и его независимость от двух других регентов», — сокрушался Филов⁴⁶. От него не укрылось и сокровенное желание Багрянова связать только со своим именем поворот во внешней политике. «Он спешит пользоваться властью, лишь бы никто не отнял у него первенства выступить с такой программой»⁴⁷. Захватить политическую инициативу в свои руки, поставить Филова перед необходимостью ухода в отставку — таков был еще один мотив выступления Багрянова в народном собрании.

Политический эффект речи Багрянова состоял в том, что, не упомянув ни разу о Германии и союзнических обязательствах по отношению к ней, не сказав ничего о «национальных идеалах» великоболгарских шовинистов, он подчеркнул вместе с тем стремление правительства «устранить все, что противоречит миролюбию», и выразил надежду, что Болгария обретет «достойное место в новом мировом сообществе», которое «более сильные братья» (т. е. державы антигитлеровской коалиции) «уже готовы создать»⁴⁸.

Выступление Багрянова было воспринято как открытая демонстрация намерения выйти из войны и Тройственного пакта. Среди населения, уставшего от тягот военного времени, это вызвало поначалу определенное чувство удовлетворения. Лишь через несколько дней стала ясна истинная цена широкозвучающих заявлений болгарского премьер-министра.

Сторонники Багрянова шумно выражали восторг по поводу его речи. «При выходе из помещения, где заседало собрание, ему устроили овацию и подыали на руки», — отмечено в дневнике Драганова⁴⁹. «Это целая революция в нашей дипломатии», — вос-

⁴⁴ Архив БАН. Дневник на П. Драганов, л. 37.

⁴⁵ АВПР, нег. 656, поз. 9, ф. 298, д. 10, л. 103.

⁴⁶ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а.е. 11, л. 2.

⁴⁷ Там же, а.е. 12, л. 50.

⁴⁸ СД XXV ОНС, VII извънредна сесия, стр. 8.

⁴⁹ Архив БАН. Дневник на П. Драганов, л. 35.

клицали они в народном собрании. Багрянов «начинает тяжелую дипломатическую борьбу», чтобы отстоять «национальные идеалы». И в этом его отличие от тех, кто бряцает оружием и недооценивает дипломатию. В целом одобрительно, хотя и с некоторыми оговорками, отнеслись к заявлению Багрянова и представители буржуазной оппозиции.

Упоенный первоначальным успехом своей речи, Багрянов решил предпринять новый демарш в проводившейся им сложной дипломатической игре. 19 августа он заявил временному поверенному в делах СССР С. П. Кирсанову: «После того, как правительство уже представилось народному собранию... и после того, как оно имеет сведения со всей страны о том, как была встречена его декларация, я сказал бы сейчас, что можем с большим авторитетом дать ответ правительства [на ноту Советского правительства 12 августа]». На вопрос, готово ли болгарское правительство к разрыву с Германией, он, Багрянов, «может ответить лишь ясным и категоричным «да»»⁵⁰.

Но этот «ясный и категоричный» ответ Багрянова, как справедливо подчеркивает болгарский историк И. Димитров, «еще не свидетельствовал о ясности и определенности внешней политики правительства»⁵¹. Багрянов заверял советского представителя в готовности порвать с Германией, а Драганов в это же время предписывал болгарскому делегату на переговорах с западными державами не употреблять формулу «разрыв с Германией и выход из Тройственного пакта»⁵². К тому же, связывая ответ на советскую ноту 12 августа с сообщением о вступлении болгарского правительства в официальный контакт с западными державами, Багрянов тем самым явно давал понять, что он не прочь сыграть на противоречиях в антигитлеровской коалиции. Одному из деятелей оппозиции Багрянов признавался, что «он рассчитывает на соперничество между Англией и Россией»⁵³. Но применительно к СССР эта игра не принесла успеха. Советская дипломатия в Болгарии твердо придерживалась выработанных совместно с союзниками документов и не проявляла никакой склонности к сепаратным действиям. «Советский представитель в нашей стране во всех беседах утверждает, — с разочарованием отмечал Драганов, — что союзники — Англия, Америка и Советская Россия — единодушны»⁵⁴.

При встрече с советским дипломатом Багрянов не скупился и на заверения в том, что болгарское правительство будто бы охотно прислушивается к даваемым ему советам относительно «нахождения счастливого выхода из затруднительного положения, в которое до сих пор большая война народов поставила болгарское государство»⁵⁵. Но как раз накануне визита Багрянова к Кирсанову радиостанция «Христо Ботев» начала передавать статью Г. Димитрова «Спасительный путь для Болгарии», опубликованную 6 августа в советской печати, в которой, в частности, говорилось: «Если бы болгарские правители действительно думали о спасении Болгарии, они прежде всего не усиливали, а прекратили бы репрессии против сторонников Отечественного фронта, против патриотов в армии и партизанского движения»⁵⁶.

Багрянов же и его министры действовали в совершенно противоположном духе, полагая, что им удастся выставить себя поборниками «дружбы» с СССР и одновременно подвергать жестоким преследованиям истинных друзей советского народа в Болгарии.

В речи, произнесенной 17 августа в народном собрании, Багрянов резко напал на народно-освободительное движение, обвиняя его участников в «сектантстве», «эгоизме», в непонимании «нового положения страны», создавшегося якобы в результате деятельности существующего правительства. Он тщился доказать «бессмысленность нелегальной борьбы», призывал партизан капитулировать, обещая «в подходящий момент» объявить политическую амнистию⁵⁷.

⁵⁰ АВП СССР, ф. 74, оп. 26, пор. № 3, пап. 15, л. 5.

⁵¹ И. Д и м и т р о в. Външната политика на правителството на Иван Багрянов, стр. 246—247.

⁵² Там же.

⁵³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а.е. 12, л. 81.

⁵⁴ АВПР, нег. 655, поз. 7, ф. 296, д. 66, л. 36.

⁵⁵ АВП СССР, ф. 74, оп. 26, пор. № 3, пап. 15, л. 5.

⁵⁶ Г. Д и м и т р о в. Избр. произв., т. II, стр. 30.

⁵⁷ СД XXV ОНС, VII извъредна сесия, стр. 8—9.

В своей классовой ненависти к борцам за национальное и социальное освобождение болгарского народа все представители монархо-фашистского лагеря были едины. Они сходились в том, что в условиях, когда продвижение советских войск в глубь Балкан становится неизбежным, необходимо любой ценой добиться «единства внутри страны», т. е. подавить народно-освободительное движение. Именно чувство классовой солидарности перед лицом «большевистской опасности» побудило Багрянова в последний момент согласиться с Филовым и другими регентами, что вынесение на рассмотрение народного собрания законопроекта о политической амнистии несвоевременно и следует в данном случае ограничиться лишь туманным обещанием. Полное единодушие было у болгарских правителей и в отношении карательной операции против партизан, готовившейся под аккомпанемент антикоммунистических призывов премьер-министра в народном собрании.

Обрушиваясь на болгарских патриотов, Багрянов надеялся, очевидно, ослабить таким способом резкое недовольство прогерманского большинства в народном собрании внешнеполитической частью своей речи. Но надежды премьер-министра не оправдались. Крайние реакционеры яростно атаковали Багрянова. Особенно неистовствовал Цанков, выступление которого его оппоненты характеризовали даже как «призыв к гражданской войне». «Болгарский офицер [т.е. Багрянов] не может уподобляться Бадольо. Этого мы не должны допустить... Я не нахожу никаких оснований, вопреки всему, что происходит на фронтах, порывать и аннулировать наши дружеские и союзные отношения с Германией»⁵⁸.

Остро реагировал на речь Багрянова и Филев. Его возмущению, казалось, не было границ. «Багрянов, к сожалению, несколько не изменился и остался тем же демагогом и прожектером, все тем же приверженцем позы и фразы... Речь Багрянова — безусловная капитуляция перед возможными победителями... Он слишком рано раскрыл свои карты... Я переживаю большую внутреннюю борьбу: не могу солидаризироваться с политикой и методами Багрянова... Если быть последовательным, то я должен уйти из регентства, и ба ego твердо рассчитывает Багрянов и вся его клика. Однако чувствую, что в данный момент это было бы дезертирством с моей стороны»⁵⁹.

Филова, как и других монархо-фашистских правителей, очень тревожила резко отрицательная реакция гитлеровцев на речь Багрянова. Не повторится ли «венгерский опыт» марта 1944 г., когда нацисты, узнав о попытках правящих кругов Венгрии заключить перемирие с западными державами, оккупировали страну?

Однако эта угроза в августе 1944 г. представлялась значительно менее реальной, чем несколько месяцев назад. Чувствительные поражения, понесенные гитлеровской Германией летом 1944 г., заставляли ее главарей думать теперь в первую очередь о защите собственного «лозова». Конечно, они отнюдь не собирались покидать без борьбы Балканы, ввиду их крайне важного военно-политического и экономического значения. Там находились крупные немецко-фашистские силы — до 50 дивизий⁶⁰. Но половина из них держала фронт на Днестре против советских войск. Его оголение в условиях, когда советское командование владело инициативой, было чревато для немецко-фашистской армии опасными последствиями. Остальные же дивизии либо вели тяжелые бои с югославскими, албанскими и греческими партизанами, либо контролировали побережье Адриатического и Эгейского морей, а также важные пункты на железнодорожных магистралях и шоссежных дорогах в этом районе.

Поэтому выделение гитлеровцами необходимых сил для оккупации Болгарии стало к осени 1944 г. весьма проблематичным делом. «В 1943 г., — пишет Типпельскирх, — германское командование еще располагало достаточными силами, чтобы иметь наготове резервы для подобных случаев [т. е. для устрашения своих сателлитов]. Теперь же, когда немецкие войска повсюду отступали, нельзя было высвободить ни одного соединения»⁶¹. Это должно было быть ясно и болгарским правителям, получившим после разрыва Турцией отношений с Германией обещание последней (в ответ на просьбу о срочной военной помощи) прислать всего лишь одну дивизию. да к тому же не

⁵⁸ СД XXV ОНС, VII извъпредна сесия, стр. 54, 55.

⁵⁹ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а.е. 12, л. 45, 50, 52.

⁶⁰ М. М. М и н а с я н. Указ. соч., стр. 95, 109.

⁶¹ К. Т и п е л ь с к и р х. Указ. соч., стр. 462.

сразу. Но даже если бы гитлеровцы попытались оккупировать Болгарию, им могла быть противопоставлена сильная, не участвовавшая еще ни в каких серьезных боях армия численностью в 25—30 дивизий. Следовательно, угроза оккупации страны все в большей мере служила болгарским правителям как оправдание их нежелания разорвать отношения с Германией.

Реальнее тогда была опасность внутреннего переворота в Болгарии. Еще накануне открытия заседаний народного собрания правые экстремисты из числа сторонников бывшего руководителя союза легионеров генерала Лукова начали подготовку к антиправительственному выступлению, и министерству внутренних дел, своевременно узнавшему об этом, пришлось принять некоторые предохранительные меры. Спустя несколько дней стало известно, что в том же направлении активно действует и нацистская агентура в стране. С самого начала «Бюро д-ра Делиуса» (так именовалась резиденция главы гитлеровской разведывательной агентуры О. Вагнера, обосновавшегося в Софии в 1939 г. под видом торгового атташе при германском посольстве) восприняло приход к власти кабинета Багрянова с крайней настороженностью. Демагогическое заигрывание с левыми силами создало ему в глазах германских представителей в Болгарии репутацию ненадежного для «третьего рейха» деятеля. Как видно из попавшего в руки болгарской военной контрразведки секретного донесения гитлеровских агентов о политическом положении в Болгарии (этот документ излагается в дневнике Михова 23 июля 1944 г.⁶²), они считали, что Багрянов находится под большим влиянием своей бывшей любовницы княгини Евдокии, не симпатизировавшей нацистам, очевидно, из-за притеснений, которым подвергалась ее сестра Надежда, герцогиня Вюртембергская, проживавшая в Германии. Сомнительные, с точки зрения гитлеровцев, маневры Багрянова во внутренней и внешней политике все больше укрепляли у них убеждение, что он «становится очень опасным».

Речь болгарского премьер-министра 17 августа в народном собрании была последней каплей, переполнившей чашу терпения Делиуса. Составив список членов нового кабинета, более устраивавших, по его мнению, «третий рейх», он отправился в Берлин согласовывать смену болгарского правительства. Но 19 августа Багрянов узнал от болгарского тайного агента о готовившейся акции и сделал хитроумный ход⁶³. Вернувшись на следующий день Делиусу этот же агент сообщил о якобы возникшем среди военных заговоре против существующего правительства и представил ему новый список, где фигурировали отъявленные реакционеры и германофилы, главным образом из числа высших офицеров. Они импонировали Делиусу, и тот решил отправить предложенный вариант на утверждение в Берлин, что, естественно, отодвигало на какой-то срок акцию гитлеровцев. Одновременно им умышленно была передана копия «секретного» доклада Багрянова князю Кириллу, составленного так, чтобы рассеять (хотя бы частично) зародившееся у немцев подозрения относительно намерения существующего правительства совершить «предательство». Но подброшенный гитлеровцам доклад Багрянова, очевидно, не произвел на них должного впечатления. Во всяком случае поведение Бекерле, побывавшего на инструктаже в Берлине, продолжало внушать болгарским правителям тревогу⁶⁴.

Гитлеровцы, правда, не успели осуществить задуманный переворот в Болгарии, но сделанные ими шаги в этом направлении возымели свое действие. Опасения Филова, что речь Багрянова повлечет за собой неблагоприятные политические последствия, выглядели теперь как будто обоснованными. И когда он «в мягкой форме» сказал князю Кириллу, благоволившему к Багрянову, что речь последнего «может плохо отразиться на наших отношениях с немцами», князь Кирилл не только не стал оправдывать своего протеже, но даже сам предложил поговорить с Багряновым («по-дружески на эту тему»). Заручившись поддержкой князя, Филлов незамедлительно высказал замечания главе кабинета. «Багрянов, видимо, согласился со мной... и обещал в заключение прений по поводу его речи дать необходимые разъяснения»⁶⁵. Он вообще без особого сопротив-

⁶² АВПР, нег. 656, ф. 299, д. 3, л. 84.

⁶³ Г. Г о ч е в. Бюро д-ра Делиус. София, 1966, стр. 244—248; И. П а у н о в-с к и. Указ. соч., стр. 530—536.

⁶⁴ АВПР, нег. 656, поз. 12, ф. 299, «Дневник № 4», л. 32.

⁶⁵ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а.е. 12, л. 46, 49.

ления отказывался от своих «смелых» замыслов, если они встречали сильное противодействие. Багрянов способен лишь произносить громкие фразы. У него «планы только на словах,— с горечью констатировал Драганов.— Когда же дело доходит до воплощения их в жизнь, то он поддается обработке так же легко, как и сосновая доска»⁶⁶.

Впрочем, и сам Драганов, обеспокоенный резко отрицательной реакцией гитлеровцев и правозэкстремистских кругов внутри страны на речь Багрянова, считал целесообразным ослабить произведенный ею эффект, поставив вокруг нее, как он говорил, «дымовую завесу»⁶⁷. Конечно, выступить спустя всего пять дней после заявления Багрянова в диаметрально противоположном духе было делом трудным. Но недаром Драганов сравнивал себя с «акробатом на канате». К балансированию он прибегнул и в речи 22 августа, заключающей прения в народном собрании по правительственной декларации Багрянова.

Драганов в ней пытался воздавать, по его словам, богу боже, а кесарю кесарево. Мы надеемся, заклинал он, что проводимая болгарским правительством политика «будет хорошо понята теми, кто может вовлечь болгарский народ против его воли в кровавую борьбу [т. е. гитлеровцами]... а также и теми, кому завтра придется строить мир [т. е. антигитлеровской коалицией]»⁶⁸.

Но за сложной словесной эквилибристикой Драганова четко проглядывалось его главное намерение: «ответить критикам, успокоить немцев в отношении того, что «нет никакого изменения» [внешней политики Болгарии], дабы избежать переворота, успокоить также военных»⁶⁹.

Речь болгарского министра иностранных дел, как он не пытался балансировать, вызвала разочарование у сторонников поворота в болгарской внешней политике. Вместе с тем ее с удовлетворением, хотя и не совсем полным, восприняли критики «справа». Речь Драганова, отмечено в дневнике Филова, «во многих отношениях коренным образом отличается от речи Багрянова; она была встречена депутатами, а также националистическими кругами с большим одобрением. Однако пассаж о Германии очень холоден»⁷⁰. Филов считал, что этим успокоительным для гитлеровцев заявлением нельзя ограничиться. Его следовало подкрепить визитом Драганова (а возможно и Багрянова) в Берлин, чтобы «объяснить поведение Болгарии». Предложение Филова поддержали и другие регенты, в том числе князь Кирилл.

Это означало, что акция Багрянова в народном собрании не достигла цели. Он не сумел захватить политическую инициативу в свои руки. Филов не ушел в отставку. Мало того, его точка зрения возобладала. Союз Болгарии с гитлеровской Германией сохранялся. Это, очевидно, и должен был прежде всего «объяснить» в Берлине Драганов. Но его визит в столицу «третьего рейха» не состоялся. Быстрый разгром немецко-фашистских войск под Яссами и Кишиневом и выход Румынии из войны в корне изменили обстановку на Балканах. Кризис «верхов» в Болгарии еще больше обострился.

ЭХО ЯССКО-КИШИНЕВСКОЙ БИТВЫ В БОЛГАРИИ

Успешное наступление советских войск на южном участке фронта застало врасплох болгарских монархо-фашистов, слишком полагававшихся на постоянные заверения высшего немецкого командования, что Болгария не надо заботиться о своих северных границах. «Со дня капитуляции Румынии в Софии воцарилась величайшая паника»,— свидетельствовал современник событий⁷¹. Вызванный из Бухареста болгарский полномочный министр растерянно ссылался на твердое обещание Гитлера, данное маршалу Антонеску при встрече 5—6 августа 1944 г., оборонять Румынию всеми средствами. Болгарские правители лишний раз убеждались в том, что гитлеровская Германия уже не в состоянии защищать своих сателлитов. «Да, положение наше неутешительно»,— записал 24 августа в дневнике регент Михов⁷².

⁶⁶ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 49, 51 (микрофильм).

⁶⁷ Архив БАН. Док. № 24, л. 24.

⁶⁸ СД XXV ОНС, VII извънредна сесия, стр. 107.

⁶⁹ Архив БАН. Док. № 24, л. 24.

⁷⁰ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 58.

⁷¹ FR, 1944, vol. III, p. 381.

⁷² АВПР, нег. 656, поз. 12, ф. 299, «Дневник № 4», л. 27.

Стремительный поворот событий ломал политические планы болгарских правителей. Явно анахроничным представлялось после 23 августа прогерманское выступление Драганова в народном собрании. Этого не скрывал и сам министр. «В свете новых событий мою речь можно считать весьма неуместной»⁷³. Особенно досадовал Багрянов. Ведь речь Драганова, произнесенная всего лишь за сутки до получения известия о поражении фашистских войск под Яссами и Кишиневом, прервала столь необходимую, как ему казалось, для спасения существующего строя дипломатическую интригу, начатую выступлением в народном собрании 17 августа и демаршем 19 августа перед временным поверенным в делах СССР С. П. Кирсановым. Предъявленное советским дипломатом 24 августа требование о выдаче паспорта для выезда из Болгарии (в Софии должен был находиться только секретарь советской дипломатической миссии Д. Г. Яковлев) не оставляло сомнений в том, что попытка болгарских правителей предстать в роли сторонников сближения с СССР при одновременном сохранении союзных отношений с гитлеровской Германией терпит крах. «Новая неприятность», — констатировал Михов. Несколько позже болгарский полномочный министр в Анкаре сообщал, что, как он выяснил в беседе с советским послом С. А. Виноградовым, у советских дипломатов сложилось следующее представление о политике болгарских правящих кругов: «Мы веди игру. Речь м-ра председателя показала, что мы хотим порвать с прошлым, но речь м-ра ин. дел снова вызвала недоумение». В ответ на мое замечание, продолжал болгарский дипломат, что Кирсанов никак не реагировал на «все наши авансы», Виноградов заявил: «Это не верно». Болгарским официальным лицам неизменно говорилось: «Надо просто, без всяких оговорок порвать с немцами»⁷⁴.

Советский дипломатический представитель в Болгарии строго придерживался точки зрения, изложенной в ноте Советского правительства 12 августа 1944 г.: «В настоящее время вопрос может стоять только о разрыве Болгарии с Германией». «Кирсанов... как мрамор», — с досадой отмечал в дневнике Михов⁷⁵. Твердая последовательная позиция советской дипломатии в значительной степени способствовала углублению кризиса монархо-фашистских «верхов».

Демарш 24 августа временного поверенного в делах СССР в сочетании с резким изменением военно-политической обстановки на Балканах заставил Багрянова всерьез подумать о необходимости принесения в жертву своего ближайшего единомышленника, столь несвоевременно выступившего с прогерманской речью в народном собрании. На заданный представителем оппозиции Багрянову 25 августа вопрос: «Чего вы достигли в отношении с русскими? Можете ли вы создать такие условия, чтобы встретить их, не допустив при этом большевизации страны?», последовал ответ: «Я все подготовил... Но речь Драганова все провалила... Положение Драганова безнадежно»⁷⁶. Таким образом, казалось бы прочный политический тандем Багрянов — Драганов распался. Разногласия в монархо-фашистских кругах усиливались с каждым днем.

Отставку Драганова Багрянов предполагал связать с обновлением состава кабинета в целом, сохранив, однако, за собой пост премьер-министра. «Чтобы не обидеть старого боевого товарища, я объявлю об отставке всего кабинета. Поставлю перед регентами условие о необходимости новой ориентировки и решительных действий. Рассчитываю на поддержку Отечественного фронта»⁷⁷. Эта последняя фраза звучала в устах Багрянова парадоксально. В самом деле, как мог Багрянов даже подумать о поддержке со стороны антифашистской организации, всячески преследовавшейся властями.

Напомним, что Багрянов имел в монархо-фашистских кругах репутацию изворотливого, беспринципного деятеля, склонного к политическим авантюрам. Он и раньше, при формировании кабинета, прибегал к контактам (правда, безрезультатным для него) с деятелями Отечественного фронта. В условиях резкого повышения политического авторитета Отечественного фронта, обусловленного крутым изменением общей обстановки на Балканах, Багрянова привлекла мысль, — а не удастся ли извлечь из

⁷³ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 48.

⁷⁴ АВПР, нег. 655, поз. 7, ф. 296, д. 66, л. 50.

⁷⁵ АВПР, нег. 656, поз. 12, ф. 299, «Дневник № 4», л. 39—40.

⁷⁶ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 46, 47.

⁷⁷ Там же, л. 47.

этого обстоятельства политическую пользу и для себя? Поводом для очередного тактического хода Багрянова послужило следующее событие.

24 августа Национальный комитет Отечественного фронта, учитывая, что под влиянием победы советских войск под Яссами и Кишиневом резко меняется соотношение сил в Болгарии в пользу народно-освободительного движения, принял по инициативе ЦК БРП решение открыто предъявить болгарским властям требование о необходимости образования нового правительства, сформированного из представителей Отечественного фронта. Это был смелый шаг. Ведь к участникам задуманной акции могли быть сразу же применены карательные меры. С целью предварительного зондажа к премьер-министру отправился член Национального комитета Отечественного фронта Д. Казасов. Его появление в резиденции Багрянова в момент, когда тот, по-видимому, мучительно обдумывал различные варианты новых политических комбинаций, оказалось для последнего весьма кстати. «Сам бог Вас посылает!»— воскликнул Багрянов. Он тотчас же согласился принять делегацию Отечественного фронта и даже обещал прислать к дому Казасова, где собрались члены делегации, правительственные автомобили. Минуты ожидания были напряженными, вспоминает один из делегатов Отечественного фронта. «Смертная казнь за участие в Отечественном фронте не была отменена. Вместо правительственных автомобилей могли появиться и полицейские машины. Но этого не произошло, ибо карабинам жандармов противостояли близ пределов страны советские «катушки»⁷⁸.

Предварительно делегаты Отечественного фронта (их было пятеро: коммунист, член БЗНС, социал-демократ, представитель политической группы «Звено» и один беспартийный) условились, что декларацию о необходимости передачи власти в руки болгарского народа зачитает Казасов, после чего делегация немедленно отбывает, не вдаваясь ни в какие объяснения. По свидетельству члена делегации Х. Стойкова, Багрянов слушал требование Отечественного фронта с подавленным видом. Возникшие было у него после первого визита Казасова надежды испарялись по мере чтения декларации Отечественного фронта. Когда Казасов кончил, Багрянов тоном обреченного заявил: «Господа, я готов немедленно снять с себя бремя, которое ход событий делает для меня непосильным». В этот момент в нарушение предварительной договоренности представитель БЗНС Н. Петков (впоследствии изменивший делу, за которое боролся Отечественный фронт) подал реплику: «С Вами, г-н Багрянов, во главе с Вами мы образуем новый кабинет». Это неожиданное, противоречившее установке Национального комитета Отечественного фронта заявление, вспоминает Казасов, «ударило нас словно обухом по голове. Обстановка не позволяла нам опровергать Петкова, дабы не показать отсутствие среди нас единства. Мы промолчали»⁷⁹.

Багрянов же немедленно предложил повторить сказанное Петковым регентам. Казасов возразил против этого. Но Багрянов уже закусил удила. Он бросился к регентам, благо те находились в том же помещении. Однако регенты не поддались уговорам Багрянова. Им было ясно, что дни его как премьер-министра уже сочтены. Поэтому они постарались охладить честолюбивый пыл Багрянова ссылкой на необходимость выждать, «сохранить спокойствие в стране». «И Багрянов успокоился,— отмечено в дневнике Михова.— Нельзя и ему спешить... Багрянов вернулся, чтобы сообщить делегации, что регенты не считают целесообразным начать в настоящее время переговоры»⁸⁰.

Решительная акция Отечественного фронта, независимо от ее конкретных результатов, стала знаменательным событием в развитии народно-освободительной борьбы в Болгарии. До этого Отечественный фронт действовал в подполье. 24 августа 1944 г. его представители впервые выступили легально. И правящие круги не только не подвергли их репрессиям, но и вынуждены были выслушать требование Отечественного фронта, выраженное в ультимативной форме. Правительство почувствовало, что власть ускользает из его рук и никакие санкции не помогут сохранить прежнюю ее полноту.

⁷⁸ Х. С т о й к о в. През ония съдбоносни дни.— «Септемврийски дни». София, 1970, стр. 167.

⁷⁹ Д. К а з а с о в. Видяно и преживяно. 1891—1944. София, 1969, стр. 683.

⁸⁰ АВПР, нег. 656, поз. 12, ф. 299, «Дневник № 4», л. 27.

Открытое политическое выступление Отечественного фронта 24 августа 1944 г. было подкреплено в тот же день смелой крупной операцией Рило-Пиринского партизанского отряда. Партизаны одновременно атаковали несколько населенных пунктов в долине р. Рила, где располагались гарнизоны болгарских жандармов, одна из резиденций гитлеровского абвера, а также военные склады. После успешного завершения операции в захваченных населенных пунктах состоялись митинги трудящихся, на которых представители партизанского отряда сообщили только что полученную радостную весть о победе Советской Армии под Яссами и Кишиновом⁸¹.

Она молниеносно распространилась по стране, вдохновляя повсюду болгарских патриотов на решительную борьбу с монархо-фашистами. Вот красноречивое свидетельство одного из участников этой борьбы в южном предгорье Балканского хребта: «От Шипки до Раднево и от Чирпана до Новой Загоры разносилась молва:— Братушки идут! Братушки идут! Новости с фронта передавались из уст в уста:

— Эй, приятель, слышал ли ты? Под Яссами и Кишиновом от гитлеровцев и следа не осталось. Красные смели их как букашек...

— В Румынии свергли Антонеску! Коммунисты подняли народ на антифашистское восстание...

— Теперь и наш черед...»⁸²

Совершенно иное, парализующее действие оказывала эта важная новость на монархо-фашистский государственный аппарат, в частности на армию. Рушились планы монархо-фашистов с ее помощью подавить до конца августа партизанское движение в стране. Солдаты и даже офицеры, все больше понимая обреченность существующего режима, неохотно подчинялись приказам высших начальников, старались избегать столкновений с партизанскими отрядами. Участились случаи дезертирства. На поведение войск большое влияние оказывала и систематическая нелегальная работа коммунистов в армии. Антигитлеровские настроения все шире распространялись среди солдат и офицеров. «Сторонники немцев в войсках теряют почву под ногами»,— доносили в Берлин гитлеровские агенты в Болгарии⁸³. Углублявшийся процесс революционизирования солдатских масс, а также умелое маневрирование самих партизанских отрядов, командование которых заблаговременно узнало от помогавшего антифашистам офицера генштаба о замыслах монархо-фашистов, сводили на нет начатую во второй половине августа крупную карательную операцию против партизан.

Болгарские правители ясно представляли себе, что партизанское движение в стране станет еще более грозной для них силой, если Советская Армия, громя отступавшие к болгарской границе немецко-фашистские войска, вступит вслед за ними на территорию Болгарии. Филев отметил в дневнике: «Боишься перехода русскими нашей границы с целью преследования германских войск и прилагаем все усилия, чтобы избежать этого»⁸⁴. Поскольку, по словам Михова, «абсурдно было бы сражаться» с Советской Армией, болгарские правители решили помешать ее вступлению на территорию Болгарии с помощью политических мер. Первой из них было официальное объявление нейтралитета Болгарии. Это произошло при весьма своеобразных обстоятельствах.

25 августа незадолго до полуночи в резиденцию регентов позвонил князь Кирилл и сообщил находившемуся там Михову, что «имеется много важных новостей, ввиду чего вскоре он вместе с Багряновым приедет. Князь и Багрянов,— записано далее в дневнике Михова,— сообщили, что выброшены русские десанты в Кюстендже [Констанце] и Мангалии [румынский населенный пункт неподалеку от болгарской границы]. Германские суда вошли в Варну. Бегущие из Румынии небольшие германские части перешли нашу границу... Решили поступить как нейтральная страна... Драганов вызвал Кирсанова и г. Мормана (т. к. Бекерле был в гл. квартире) и в 1 1/2 ч. в ночь с 25 на 26 августа передал им решение правительства. Положение было таково, что пришлось очень спешить, дабы русские, преследуя немцев, не появились у нас. Ночь была очень тревожной»⁸⁵.

⁸¹ К. Стойчев. Рило-Пиринският партизански отряд в преддеветосептемврийски дни.— «Септемврийски дни», стр. 287.

⁸² С. Неделчев-Чочоолу. Ден последен — ден първи.— «Септемврийски дни», стр. 290.

⁸³ АВПР, нег. 656, ф. 299, д. 3, л. 85.

⁸⁴ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 63.

⁸⁵ АВПР, нег. 656, поз. 12, ф. 299, «Дневник № 4», л. 30.

Но, как выяснилось на следующий день, сообщения о высадке советских десантов на черноморском побережье близ болгарской границы и приходе немецких военных судов в Варну оказались ложными. И по сей день неизвестно, кто передал их. Можно предположить, что дело не обошлось без участия Багрянова или Драганова, рассчитывавших, вероятно, таким способом воздействовать на регентов в желательном для себя духе.

Как правильно подчеркивает болгарский историк И. Димитров, решение болгарских правителей, принятое в ночь на 26 августа, отнюдь не означало, что совершается какой-то крутой поворот в проводимой ими политике. Это решение «фактически было подготовлено всей политикой правительства Багрянова»⁸⁶. Оно не дало болгарским правителям никакого политического выигрыша. Возникшая было у них на первых порах под влиянием беспочвенного сообщения лондонского радио иллюзия, что Советское правительство признало объявленный Болгарией нейтралитет, исчезла после заявления ТАСС 30 августа 1944 г., в котором категорически опровергались такие слухи, а объявленный Болгарией нейтралитет расценивался как «совершенно недостаточный при создавшемся в настоящее время положении»⁸⁷.

Сделанный болгарскими правящими кругами политический шаг явно не соответствовал требованиям момента. В условиях разгрома фашистских войск под Яссами и Кишиневом и приближения Советской Армии к болгарской границе должны были отпасть последние опасения относительно репрессий со стороны гитлеровской Германии в случае разрыва Болгарией отношений с ней. Именно такая решительная акция отвечала бы реальной политической действительности. Но болгарские правители заботились не об исторических судьбах страны и народа, а о сохранении, по выражению Драганова, «чести перед историей», предоставляя гитлеровцам возможность первыми пойти на разрыв германо-болгарских отношений. Когда один из деятелей оппозиции поставил перед Драгановым вопрос о целесообразности опереться на помощь советских войск при разрыве отношений с Германией, последний без колебаний ответил: «И речи быть не может о том, чтобы мы проявили инициативу в вопросе о разрыве... Трудно изменять союзникам»⁸⁸. Даже на объявление нейтралитета болгарские правители сочли необходимым получить «благословение» Гитлера, умоляя его «не утяжелять и без того нелегкое положение нашей страны»⁸⁹.

В Софии настороженно ждали ответной реакции Гитлера на послание регентов. Болгарские правители понимали, что, объявляя нейтралитет, они, как выразился Михов, «прежде всего думают о себе, а потом уже об общем деле», т. е. о военно-политических интересах гитлеровцев на Балканах. Естественно было предполагать, что те еще меньше будут теперь церемониться со своим сателлитом. Ответ Гитлера, привезенный Бекерле вечером 28 августа, действительно был грозным. «Германские меры отныне будут диктоваться только военной необходимостью», — гласил он. В беседе с регентами при вручении письма Гитлера Бекерле, как отметил Филов, многозначительно добавил, что «фюрер не только был сердит и недоволен нашим поведением, но и подчеркивал, что оно граничит с предательством»⁹⁰.

Однако эти угрозы во многом были лишь на словах. По свидетельству командующего группой армий «Южная Украина» генерала Фриснера, главной задачей гитлеровского командования с 26 августа «стало спасение материалов и всех тех людей, которых еще можно было спасти, отвод их отдельными группами через карпатские перевалы на территорию Венгрии и создание там нового оборонительного рубежа»⁹¹. В создавшихся условиях гитлеровцы не могли применить по отношению к Болгарии сколько-нибудь серьезные военные санкции. Но им было важно еще на какое-то время сохранить Болгарию под своим контролем прежде всего для прикрытия с востока железнодорожной магистрали Салоники — Скопле — Ниш — Белград, по которой должны были эвакуи-

⁸⁶ И. Д и м и т р о в. Външна политика на правителството на Иван Багрянов, стр. 256.

⁸⁷ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 198—199.

⁸⁸ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 48—49, 51.

⁸⁹ АВПР, нег. 656, поз. 8, ф. 298, д. 8, л. 99.

⁹⁰ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 70—76.

⁹¹ Г. Ф р и с н е р. Указ. соч., стр. 97, 103.

приваться их войска с островов Эгейского моря и из Греции ⁹². Как видно из показаний Бекерле на судебном процессе во Франкфурте-на-Майне в 1967 г., именно это обстоятельство побудило Гитлера дать своему послу в Болгарии указание всячески добиваться от регентов сохранения верности Германии. Бекерле предписывалось также в случае необходимости инспирировать провозглашение на оккупированной монархо-фашистской Болгарий территории «самостоятельного» македонского государства, что он и пытался осуществить в последних числах августа ⁹³.

Вообще в стратегических оценках Гитлера положения на Балканах Болгарии всегда отводилось одно из ключевых мест. «Болгария нам необходима при всех условиях», — говорил он руководителям вермахта 31 июля 1944 г. ⁹⁴ Исходя из этого, главарь «третьего рейха» в создавшейся обстановке не прочь был довольствоваться даже нейтралитетом Болгарии, но при твердой гарантии, что он будет дружественным по отношению к Германии. На совещании в своей ставке 22 августа 1944 г. Гитлер сказал представителю министерства иностранных дел на Балканах Г. Нойбахеру: «Я буду рад, если они [болгары] не ополчатся против нас» ⁹⁵. А согласно записи в дневнике Филова, вечером 28 августа к регентам пришел депутат народного собрания Х. Статев, ярый германofil, связанный с гитлеровской агентурой в Болгарии, и сказал, что он уполномочен доверенным лицом германского «фюрера», «обладающим большей властью, чем Бекерле», заявить следующее: «Германия готова признать нейтралитет, если правительство возглавит А. Цанков» ⁹⁶.

В Берлине вряд ли сомневались в искренности германofilских чувств Филова и других регентов, вновь подтвержденных в беседе с Бекерле. «Мы с большой болью в сердце и не из плохих чувств к Германии... вынуждены придерживаться такой линии поведения [т. е. нейтралитета], — говорил Филов ⁹⁷. Но к Багрянову, как уже отмечалось выше, гитлеровцы питали все меньше доверия и поэтому не оставляли мысли о правительственном перевороте ⁹⁸, надеясь таким путем сохранить необходимый им контроль над Болгарией, пусть даже формально и нейтральной.

Болгарская территория нужна была гитлеровской Германии также и для отвода на запад разбитых под Яссами и Кишиневом войск. Провозглашение нейтралитета обязывало болгарских правителей интернировать отступавших в Болгарию гитлеровских солдат и офицеров, но на деле они стали следовать воле Гитлера, сообщившего через германскую военную миссию в Софии о допустимости лишь фиктивного, «для внешнего эффекта», интернирования. А военный министр даже отдал приказ не мешать отступлению немецких войск на запад ⁹⁹. И только не ослепленные германofilством командиры частей болгарской армии действовали так, как этого требовал статус нейтрального государства.

Что касается эвакуации германских войск, постоянно находившихся в Болгарии, то и здесь гитлеровцы поступали так, как им было целесообразно, о чем свидетельствует запись 31 августа в дневнике Михова. «Драганов разговаривал с Шнекенбургером начальником германской военной миссии в Болгарии]... В конце концов было решено до сегодняшнего вечера эвакуировать всех немцев из Болгарии... Однако, каково было

⁹² 26 августа главнокомандующий немецко-фашистскими войсками на оккупированной ими территории Юго-Восточной Европы фельдмаршал фон Вейхс (ему подчинялись дислоцировавшиеся в Югославии, Албании и Греции группы армий «F» и «E») получил предписание Гитлера подготовить отвод всех войск, расположенных южнее линии Корфу — Янина — Калабак — Олимп, что означало оставление Эгейских островов, а 27 августа началась и частичная эвакуация немецко-фашистских сил из Греции.

⁹³ См. «Отечествен фронт», 11.XI.1967.

⁹⁴ В. И. Д а ш и ч е в. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы, т. 2. М., 1973, стр. 522.

⁹⁵ H. N e u b a c h e r. Sonderauftrag Südost. 1940—1945. Göttingen, 1957, S. 70

⁹⁶ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 79—80.

⁹⁷ Там же, л. 76.

⁹⁸ Гитлер намеревался отправить в Софию специального эмиссара с поручением обеспечить в Болгарии «объединение национальных сил» (т. е. прогитлеровских элементов). Но стремительное развитие событий помешало этому. — С. Н о й к о в. Оттеглянето на вермахта от Балканите през 1944 г. и неговите бойни действия срещу БНА през Отечественната война (по немски източници). — «Военноисторически сборник», 1967, № 2, стр. 53—54.

⁹⁹ С. Н о й к о в. Указ. соч., стр. 53.

наше удивление.., когда мы узнали, что ген. Шнекенбургер сообщил о получении им указания эвакуировать прежде всего материальную часть, а затем людей... А сегодня,— с тревогой заключал Михов,— русские уже заняли Плоешти»¹⁰⁰.

Стремясь предотвратить вступление Советской Армии на территорию Болгарии, монархо-фашистская клика, помимо провозглашения нейтралитета, решила срочно заменить кабинет Багрянова другим правительством, более отвечающим, по ее мнению, требованиям момента. Перед регентами встала проблема — как создать такое правительство, которое было бы воспринято благожелательно всеми державами антигитлеровской коалиции и вместе с тем сумело бы сохранить основы существующего в стране монархо-фашистского строя. «Мы озабочены тем,— говорил своему единомышленнику Филов,— чтобы составить крепкий кабинет, способный обуздать коммунистов»¹⁰¹. Внешнеполитические соображения побуждали регентов обратиться к помощи буржуазных оппозиционеров, негласным лидером которых был обладавший немалым политическим опытом глава бывшей демократической партии Н. Мушанов. В буржуазных кругах складывалось мнение, что только он способен сформировать новый кабинет. Неслучайно регенты именно с него начали серию консультаций по этому вопросу, и никто не предполагал, что в итоге выбор регентов остановится на сравнительно мало известном политическом деятеле, представителе правого крыла Земледельческого союза («Врабча I») К. Муравиеве, поддерживавшего буржуазных оппозиционеров, в частности их требование об изменении политики, но не игравшего среди них заметной роли.

Вообще Муравиев, которому суждено было стать «болгарским Керенским», принадлежал к числу незадачливых политиков. В 1923 г. он вошел в качестве военного министра в правительство популярного в Болгарии лидера Земледельческого союза А. Стамболийского, но пробыл на этом посту лишь несколько месяцев. Военно-фашистский переворот 9 июня 1923 г. прервал его карьеру. В 1931—1934 гг. он снова стал министром (просвещения, а затем земледелия) в правительстве «Народного блока». И на этот раз военно-фашистский переворот 19 мая 1934 г. не позволил ему закрепиться на авансцене политической жизни Болгарии.

В 30-х годах Муравиев пытался развивать концепцию «усовершенствованного парламентского строя» (по типу фашистского корпоративного государства в Италии), согласно которой политические партии должны представлять не классы, не определенные социальные группы, а только категории граждан по характеру их труда. Он стремился заручиться поддержкой цари Бориса в пользу такой теории, но безуспешно.

В бурные августовские дни 1944 г. Муравиев решил, что, наконец, настал его час. 27 августа через родственника Михова он попросил регентов незамедлительно принять его. На следующий день около полуночи регенты с нескрываемым интересом выслушали теоретическое и политическое «кредо» Муравиева. Оценивая положение в стране, он заявил: «Массы настроены по-левому», они симпатизируют левым партиям — коммунистам и земледельцам. «Только земледельцы [т. е. правое крыло «Врабча I», которое представлял Муравиев] в состоянии успешно бороться с коммунистами». «Не доверять коммунистам, сохранить существующий строй», — таков был кардинальный тезис Муравиева, явно совпадавший и со взглядами самих регентов. 29 августа регентский совет решил поручить формирование нового кабинета Муравиеву.

Оно проходило с большими трудностями. Одну из них создал Багрянов. Этот уже сходящий с политической сцены монархо-фашистский деятель (его правительство с 26 августа находилось в негласной отставке) до самого конца тешил себя иллюзией, что именно ему будет поручено формирование нового кабинета, в который, как он все еще бесосновательно надеялся, удастся привлечь и представителей Отечественного фронта. 28 августа, в день, когда регенты принимали Муравиева, Багрянов самоуверенно заявил: «Самое позднее послезавтра... я снова премьер-министр, глава правительства Отечественного фронта»¹⁰². Но как раз 30 августа регенты сообщили Багрянову о необходимости окончательной отставки его кабинета и назвали кандидатуру Муравиева в качестве нового премьер-министра. Багрянов понял, что Филов опять берет над ним верх и теперь уже бесповоротно. И он решил нанести по нему последний удар. Когда регенты попросили Багрянова не заявлять публично об отставке до тех пор, пока не

¹⁰⁰ АВПР, нег. 656, поз. 12, ф. 299, «Дневник № 4», л. 40.

¹⁰¹ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 106.

¹⁰² Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 64.

будет образован новый кабинет, последний обещал это, но тут же обратился с просьбой при уходе в отставку «сказать несколько слов по радио». «Мы согласились,— отметил в дневнике Филов,— полагая, что это произойдет после образования нового кабинета и что мы будем предупреждены об этом»¹⁰³. Однако днем 1 сентября, в разгар проводившихся Муравиевым сложных переговоров о составе нового правительства, Багрянов, не оповестив регентов, выступил по радио с заявлением об отставке, подчеркнув, что в своей деятельности на посту премьер-министра он наталкивался на сопротивление некоторых лиц. Багрянов не назвал их по именам, но всем было понятно, что речь идет о регентах и прежде всего о Филове. «Это уже верх кривлянья Багрянова»,— негодовал последний. «Жаль, что личные соображения [Багрянова],— с досадой отметил в дневнике Михов,— поставлены выше общих интересов». В результате, сокрушался он, возникли «новые неприятности»¹⁰⁴.

Миссия Муравиева по формированию нового кабинета еще больше осложнилась. Буржуазные оппозиционеры, уже заводившие речь в ходе консультаций с регентами о желательности отставки Филова, теперь, после выступления Багрянова, поставили вопрос об этом чуть ли не в ультимативной форме. Лишь благодаря энергичной защите со стороны князя Кирилла и Михова осуществление требования оппозиционеров удалось отложить до момента, когда будет сформировано новое правительство. Но в принципе Филов вынужден был согласиться с необходимостью подать в отставку. Таким образом, уходя в политическое небытие, Багрянов в последнюю минуту все-таки сумел потянуть за собой и своего соперника.

Формирование кабинета Муравиева затягивалось и по другим причинам. По замыслу регентов, ядро нового правительства должны были составить представители правого крыла БЗНС. Но они хотели объединить вокруг него максимально широкие политические круги с тем, чтобы это правительство выглядело как кабинет «национальной концентрации». Однако в ходе переговоров выяснилось, что некоторые буржуазные оппозиционеры колеблются, боясь взвалить на себя бремя ответственности в столь сложной и неясной политической обстановке. Так, например, представитель бывшей «народной» партии А. Буров, намечавшийся на пост министра иностранных дел, не хотел нести ответственность за тяжелые условия перемирия, хотя в принципе готов был войти в новый кабинет. В тени на первых порах стремились быть и другие буржуазные оппозиционеры, в том числе и их лидер Мушанов. Социал-демократы после долгого обсуждения вообще отказались ввести своих представителей в кабинет Муравиева. И это весьма озадачило его. Он «боится,— отмечено в дневнике Филова,— что кабинет без них будет выглядеть очень правым»¹⁰⁵.

Поручая формирование кабинета Муравиеву, регенты под давлением обстоятельств приняли совет буржуазных оппозиционеров включить в новое правительство и одного (только одного!) коммуниста. На первый взгляд это противоречило их установке создать «крепкий кабинет, способный обуздать коммунистов». Соглашаясь на включение представителя БРП в новое правительство, регенты, конечно, отнюдь не имели в виду налаживание какого-либо сотрудничества с ней. То была, с одной стороны, вынужденная дань реальной политической обстановке, а с другой — попытка с помощью такой «приманки» поставить под определенный контроль, «обуздать» деятельность БРП и вместе с тем внести раскол в ряды Отечественного фронта.

Руководство БРП, однако, не поддавалось этой уловке. «Главная линия болгарских патриотов в нынешний момент,— говорилось в передаче радиостанции «Христо Ботев» 30 августа 1944 г.,— заключается в следующем... Болгарские патриоты должны отнестись отрицательно ко всем предложениям по образованию различных правительственных комбинаций, которые по своему характеру направлены на ослабление и раскол Отечественного фронта, против основных положений его программы и последовательной демократизации страны... Нынешние и будущие интересы страны диктуют твердую линию на борьбу за создание правительства Отечественного фронта»¹⁰⁶.

¹⁰³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 89.

¹⁰⁴ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 101; АВПР, нег. 656, поз. 12, ф. 299, «Дневник № 4», л. 44.

¹⁰⁵ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 105.

¹⁰⁶ «Говори радиостанция «Христо Ботев» (23 юли 1941 — 22 септември 1944 г.)», т. 7. София, 1951, стр. 238.

БРП, правда, допускала возможность оказания поддержки и правительству, составленному из представителей оппозиции, не принадлежавших к Отечественному фронту, но эта поддержка должна была быть условной — лишь в том случае, если такое правительство не на словах, а на деле осуществит ряд неотложных антифашистских и демократических мероприятий во внутренней и внешней политике и прежде всего порвет с гитлеровской Германией. Однако и в данных обстоятельствах, подчеркивалось в передаче радиостанции «Христо Ботев», «болгарские патриоты, деятели Отечественного фронта будут продолжать свои усилия по созданию правительства Отечественного фронта, ибо только такое правительство, опирающееся на народ и воинов-патриотов, будет в состоянии последовательно и решительно проводить новый национальный и спасительный для родины курс внешней и внутренней политики»¹⁰⁷.

Таким образом, коммунисты, а вместе с ними и другие деятели Отечественного фронта, решительно отказавшись от сотрудничества с правительством Муравиева, тем самым не только избежали ставившегося им «политического капкана», но и нанесли чувствительный удар по замыслам регентов и Муравиева.

Поздно вечером 1 сентября регенты приняли растерянного Муравиева, сообщившего, что его миссия на грани провала. Тогда Филев порекомендовал ему «образовать сейчас ограниченный по составу кабинет, поскольку время не ждет»¹⁰⁸. Следуя этому совету, Муравиев 2 сентября, наконец, сформировал свое правительство, в котором ряд министерских постов остался незанятым.

В исторической литературе по-разному оценивается характер правительства Муравиева. Одни авторы считают, что это правительство, как и предшествовавшие ему, было целиком монархо-фашистским, призванным осуществить последнюю попытку спасти существующий в стране режим¹⁰⁹. Другие историки, ссылаясь на состав правительства Муравиева, образованного из представителей бывших нефашистских партий с проанглийской и профранцузской ориентацией (БЗНС — «Врача I», демократической и «народной»), и на его намерение, провозглашенное в декларации 4 сентября, восстановить ряд демократических прав и свобод, расценивают приход к власти кабинета Муравиева как стремление монархо-фашизма в условиях нарастающего революционного подъема в стране «добровольно передать государственную власть нефашистским партиям, чтобы противопоставить социализму буржуазную демократию»¹¹⁰.

Но, как полагает болгарский историк В. Хаджиниколов, «первая точка зрения отражает упрощенческий подход к проблеме, а вторая не учитывает многочисленные факты, свидетельствующие о том, что и в период правления Муравиева фашистская диктатура в стране не была ликвидирована, так как был сохранен ее верховный орган — регентство, которое фактически продолжало осуществлять реальную власть... Был также сохранен целиком и государственный аппарат монархо-фашизма — полиция, армия, высшие административные учреждения и др., продолжало действовать монархо-фашистское законодательство, в управлении применялись прежние методы, в том числе жестокие репрессии по отношению к партизанам, подпольщикам, политическим заключенным и т. д. Не были восстановлены буржуазные права и свободы, не был арестован ни один фашист и т. д.»¹¹¹.

Следует отметить, что правительство Муравиева просуществовало всего лишь семь дней и не успело до конца раскрыть свое истинное политическое лицо. Конечно, по составу и объявленной 4 сентября программе оно отличалось от предшествовавших ему монархо-фашистских правительств. Созданные внутри страны и вне ее условия диктовали необходимость изменения политики, к чему и склонялось правительство Муравиева. Но важно подчеркнуть, что это происходило по воле регентского совета, игравшего главную роль в механизме монархо-фашистского управления. «Мы полностью воспринимаем программу, изложенную в письме 13-ти [представителей оппозиции], — говорили регенты 30 августа Муравиеву, поручая ему формирование кабинета»¹¹². Они сознательно остановили свой выбор именно на Муравиеве, ибо этот деятель, представлявший нап-

¹⁰⁷ Там же, стр. 239.

¹⁰⁸ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 105.

¹⁰⁹ «Исторически преглед», 1967, № 1, стр. 97.

¹¹⁰ «Исторически преглед», 1964, № 5, стр. 31.

¹¹¹ «Исторически преглед», 1968, № 6, стр. 63.

¹¹² ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 91.

более консервативное крыло БЗНС и проповедовавший к тому же сходные с фашистской корпоративной теорией взгляды, в большей мере, чем другие оппозиционеры, мог удовлетворить монархо-фашистскую клику. Формирование его кабинета также произошло при активном участии регентов. В него вошли деятели, хотя и не являвшиеся агентами фашизма, но известные своими многолетними тесными связями с дворцом, верно служившие царской династии. Интересы финансового капитала представлял в нем один из крупнейших болгарских финансистов А. Буров. С помощью кабинета Муравиева регенты намеревались изменить лишь политику, но не основы существующего строя. По своей социально-политической сущности это правительство «представляло собой,— не без оснований считает болгарский историк С. Петров,— союз части правящей фашистской группы во главе с регентами и наиболее консервативного крыла англофильской буржуазии». Поэтому, по его мнению, такой политический блок «не мог иметь серьезную общественную опору»¹¹³.

Шаткость позиций новых болгарских правителей усугублялась и тем, что они больше следовали линии своих обанкротившихся предшественников, чем той, которую диктовала обстановка. Правительство Муравиева, как и кабинет Багрянова, лишь плелось в хвосте быстро менявшихся событий. Муравиев, в частности, подтвердил намерение болгарских правящих кругов придерживаться и впредь явно не отвечавшей требованиям момента политики нейтралитета. Хотя в правительственной декларации 4 сентября и был осторожный намек на возможный отход Болгарии от Германии, в частности на выход ее из Тройственного пакта, но в ней не говорилось прямо о главном — немедленном разрыве отношений с гитлеровской Германией. «В правительственной декларации,— подчеркивалось в передаче радиостанции «Христо Ботев» 5 сентября 1944 г.,— по самому важному для Болгарии вопросу, от разрешения которого зависит в буквальном смысле слова ее будущее — по вопросу о незамедлительном разрыве с Германией и активном переходе на сторону союзников в борьбе против Германии — повторяются голословные обещания и выкрутасы Багрянова»¹¹⁴.

Правительство Муравиева, кроме того, прилагало большие усилия, чтобы завершить начатые еще до его прихода к власти переговоры с английскими и американскими дипломатами о заключении перемирия, надеясь таким путем поставить политический заслон наступавшей Советской Армии. К этому же настойчиво стремились и правящие круги западных держав.

Окончание следует

¹¹³ С. Петров. Указ. соч., стр. 267. См. также вступительную статью Л. Б. Валева к русскому изданию этой книги — С. Петров. БКП в борьбе против монархо-фашизма, стр. 9—10.

¹¹⁴ «Говори радиостанция «Христо Ботев», т. 7, стр. 255.